

Качан Владимир

25.11.97.

— Владимир Андреевич, как получилось, что вы начали писать песни?

— По воле судьбы. И с тех пор я в случайности не верю. Убежден, любая якобы случайная встреча — для чего-то. В школе я и не подозревал, что умею сочинять мелодии. Занимался спортом, входил в легкоатлетическую сборную Латвии. Участвовал в самодеятельности вместе с другом детства Михаилом Задорновым, пел в школьном джазе. А художественным чтением со мной занималась Мария Григорьевна Секирина, она и решила «показать» меня Владимиру Георгиевичу Шлезингеру, который с Театром имени Вахтангова гастролировал тогда в Риге. Помню, на спектакле «Дамы и гусары» пришел к нему в гримбурую, прочел модную «Братскую ГЭС» Евтушенко — и мне было сказано приезжать на вступительные экзамены в Училище имени Шкуина, сразу на третий тур. Я приехал, тур прошел, а на этюдах срезался. Вернулся в Ригу, сдал на пятерки экзамены в Латвийский государственный университет на филологический факультет, стал учиться. И вдруг в ноябре телеграмма от Шлезингера и звонок от руководителя курса Шкуинского училища Веры Константиновны Львовой — вызывают на дополнительный набор...

Я был принят и случайно оказался в общежитии в одной комнате с Леонидом Филатовым, который приехал в Москву из Ашхабада с огромной подборкой стихов. А через полгода спонтанно получилась наша первая песня «Ночи зимние»: про неудачную любовь, которая тогда была, по-моему, у Филатова. К этому времени наш сосед по этажу, а впоследствии артист Театра на Таганке Виталий Шаповалов по кличке Шапен научил меня играть на гитаре. И все приходило послушать эту песню в моем исполнении, ведра спиртного под нее выжили: не потому, что она получилась такая хорошая, просто у всех в тот момент были любовные переживания. Вдохновленные успехом, мы с Филатовым продолжили сочинять дальше — и основная обложка наших песен родилась в стенах Шкуинского училища и общежития, а позже в комнате, которую мы снимали на троих с Леной и Борей Галкиным в доме на улице Герцена.

— А в солисты эстрадного оркестра под управлением Утесова как вы попали?

— Мои мелодии и Лёнины стихи стали пользоваться спросом, меня начали часто приглашать на концерты, даже появились свои фанаты. И несколько песен у нас купил Константин Григорьевич Певзнер, руководивший грузинским оркестром «Рэро». А спустя годы, когда я уже работал в ТЮЗе, Певзнер стал музыкальным руководителем оркестра Утесова и показал меня Леониду Осиповичу. В театре тогда выпускались «Три мушкетера», и эстрада мне была до фени, относился к ней с брезгливостью, типичной для драматических артистов. Но Утесов предложил работать в оркестре по совместительству, петь там свои песни на стихи Филатова. И назначил зарплату в двести шестьдесят рублей, которая меня самого пугала: у нас в театре такую прорыв денег получала только Лидия Николаевна Князева, народная артистка СССР. На эстраде я выступал, что называется, в свободное от основной работы время, которого с приходом в ТЮЗ нового главного режиссера стало больше: меня мало где занимали. И я с оркестром Утесова объездил практически всю страну. Но театр не бросал и, думаю, правильно — иначе не прожил бы такую интересную театральную жизнь, какую довелось прожить.

— Песни вы пишете не только на стихи Филатова. Обтираете тексты по принципу «мое — не мое»?

— Первым и основным моим соавтором долгие годы оставался Лёня. И другим соответственно. Это продолжается и сейчас. Идеи иногда возникали совместно. В студенчестве мы все были чрезвычайно увлечены Пушкиным, его именем, жизнью, стихами и Шкуинское училище в какой-то степени считали лицеем. И мы с Леной написали первую песню из нашей «Пушкинианы»: «Таеж желтый воск свечи...»

Дописан был пушкинский цикл

спустя несколько лет. А недавно навещал Леню в больнице перед операцией, и он сказал, что придумал идею нового стихотворения — «Дельвиг», где два главных действующих лица — Дельвиг и... диван: «Это песня будет, ты обязательно ее напиши!» И на второй день после операции — ему почку пересадили — похвастался, когда я к нему зашел, что уже шесть строчек придумал.

С Алешей Дидуровым, чье поэтическое творчество Филатов, кстати, очень уважает, мы работаем совершенно иначе. Началось все с вальса «Шер ами». Шел я из гастронома на Тверской, называемого в народе

— Владимир Яковлевич Мотыль меня давно знал: его жена работала в Театре юного зрителя в педагогической части и мы дружили. Я был часто приглашаем в их дом, где собирались замечательные люди. Помню вечер, когда за столом сидели Марк Захаров, Булат Окуджава... И я при них пел. Представляете — при Окуджаве! Но с ним я уже был знаком: когда-то баловался пародиями и очень похоже показывал разных певцов — Жана Татляна, Высоцкого, Николая Сличенко. Ну и самого Булата Окуджаву тоже. Исполнил пародию на него на вечере в Доме актера, а потом мы с Булатом Шаловичем оказались вместе за столом, и он сказал: «Никогда не подозревал, что таким противным голосом пою». Потом была еще пародия

«ленное лицо», которые так и не вышли, и «Сибирский Спас». Роль, которые мог бы считать вехой в своей биографии, не случилось, но и стыдиться нечего.

— Как ваша телепередача «Окно» поживает?

— Придумали мы ее с лауреатом премии «Тэффи» режиссером Андреем Торстенсеном. Сначала назвали «Антишоу»: хотели противопоставить свой робкий, тихий и романтический голос засилью всяческих телешоу и игр. Потом подумали, что это слишком по-пионерски полевично, и сменили на «Окно»: открываешь, а там — глоток свежего воздуха. Для меня лично это еще и окно в себя — в то, что человек сам в себе больше всего любит и уважает. Панкратов-Черный у меня в

Бронной. Начали репетировать «Лето и дым» Теннесси Уильямса, долго встречались только втроем — Ольга Яковлева, Анатолий Васильевич и я. И вот тогда я почувствовал, что становлюсь артистом на несколько порядков выше, чем был, начинаю уметь то, о чем прежде понятия не имел.

Я расстался и с оркестром Утесова, и с некоторыми песенными упражнениями и на энное время целиком отдал себя театру. Хотя к своей артистической жизни всегда относился не слишком серьезно, не воспринимал ее как миссию, ради которой рожден на Земле. Может, потому что всегда находились какие-то альтернативы. Но роль Джона в спектакле «Лето и дым» любил, только не знал, как играть финал, когда Джон становится серьезным, семейным и скучным, не понимал его фразы «Надо довольствоваться малым». Теперь понимаю. Понимание не от возраста, а от того, как прожил свою жизнь — со всяческими метаниями, борьбой с алкоголем, переменной отношения к людям. И сейчас знаю, как сказать эти слова, чтобы было не скучно.

Дальше были Чичиков в спектакле «Дорога», Андрей Прозоров в «Трех сестрах» и директор школы из спектакля «А все-таки она вертится!» — одна из любимых моих ролей. Этот человек, сильно обремененный учебным процессом, в душе романтик и очень хочет верить в существование НЛО, хотя по службе ему это и не положено. Слова «романтизм» все как-то стесняются. А я всегда считал, что нужно уметь приподниматься над действительностью. Вы видели когда-нибудь в зоопарке птицу под названием «розовый фламинго»? Она стоит в водоеме, который и водоемом-то назвать нельзя, там плавают окурки, отрезки, хлебные крошки, а запах такой, будто туда постоянно справляют малую нужду. Но птица царственно шествует по этой жиже, вынимает длинную тонкую ногу из дерьма и выносит ее вперед — примерно так же, как королева Англии протягивает руку для поцелуя. А потом так же медленно и величественно опускает ее обратно в дерьмо. И головка на ее тоненькой шейке держится так гордо и прямо, как будто на ней корона. А в глазах нет даже презрения к тому, что вокруг. Она этого просто не замечает. Не желает замечать и все! Можно, оказывается, и так жить. Или даже нужно — так!

Потом у меня был сезон в Театре имени Станиславского: Сандро Товстоногов позвал на одну из ролей в спектакль «Экспромт-фантазия», который я тоже очень любил. И шесть или семь лет без театра, когда занимался только музыкой. Стало стыдно: мне уже столько лет, а у меня нет ни одной толковой звукозаписи. И когда я их сделал, был очень горд собой и подумал: теперь смогу победить все. Знаете, когда в жизни бывает совсем тяжело, я вспоминаю про Пушкина: как он лежал с раной в животе, а Дельвиг говорил: «Стонай, стонай». А Пушкин отвечал: «Нет, не буду стонать, не могу же я, чтобы этот вздор меня пересилил». Эти слова даже стали на некоторое время моим девизом.

Ну а дальше Иосиф Райхельгауз пригласил меня в «Школу современной песни», я сыграл там Жениха и Папашу в спектакле «А чей-то ты во фраке?», тетю Соню в спектакле «Без зеркала», Черткова в «Миссис Лев». Дальше должна быть «Чайка», распределение ролей пока официально не объявлено, но все про себя уже все знаю. Мне предстоит сыграть Тригорина в очереди с Алексеем Баталовым.

— Нестандартная фамилия хлопот никаких не доставляла?

— В детстве дразнили, но быстро уставали: шутка приедается. Теперь свою фамилию всячески муштрую сам. Потому что на сакраментальный вопрос «Почему?» только я один имею право отвечать с полным основанием: «По Качану».

— И каков же смысл жизни «по Качану»?

Отвечу словами поэта Евгения Баратынского: «Дарование есть поручение, и должно исполнить его, несмотря ни на какие препятствия».

Беседу вел
Татьяна ИСКАНЦЕВА.
Фото Юрия ЛУКИНА.

СМЫСЛ ЖИЗНИ ПО КАЧАНУ

Владимир КАЧАН — артист. Работал в ТЮЗе, в Театре на Малой Бронной, сейчас — в «Школе современной песни». Снимался в кино, был автором и ведущим телепередачи «Окно». Но широко известен прежде всего как автор музыки и исполнитель песен, большинство которых написано на стихи Леонида Филатова и Алексея Дидурова. Уже вышли компакт-диски «Соседи по городу» и «Оранжевый кот», альбомы «Диалог — тридцать лет» и «Прогулка с другом».

«кишка», с тяжелой сеткой в руках и по дороге придумал такой рваный вальс. «Донес» мелодию до дома, быстро нажал на клавишу магнитофона, записал ее и позвал Дидурова, благо, тот жил рядом. Он послушал, сказал: «Я знаю, про что эта песня». Ушел в соседнюю комнату и через двадцать пять минут принес стихи про несчастного белогвардейского офицера, который прощается с родной и любимой женщиной. Мы стали этот опыт развивать, и толчком к поэтическому импульсу Дидурова обычно является какая-нибудь моя мелодическая заготовка.

В промежутке между Филатовым и Дидуровым сочинил песни на стихи Петра Вегина, ныне проживающего в Лос-Анджелесе, Юрия Ряшенцева, с которым мы знакомы еще со времен «Трех мушкетеров», Юрия Левитанского, Николая Рубцова. Сочинил огромную обложку песен на стихи Валерия Шулжика — детские, но с вполне взрослым подтекстом. А один раз мне свои ранние стихи показал Иосиф Райхельгауз, главный режиссер нашего театра «Школа современной песни». Я взял и сочинил на них песенку «Познакомьте меня с аргентинским послом», исполнил ее в передаче «Белый попугай», и она там стала одной из любимых. Но по какому принципу выбираю стихи, однозначно сказать не могу. Видимо, по чисто биологическому свойству. Просто читаю стихи — и вдруг что-то внутри отзывается на них.

— В фильме «Звезда пленительного счастья» вы исполнили теперь уже знаменитый романс «Кавалергарда век недолог...» на стихи Булата Окуджавы и музыку Исаака Шварца. Почему режиссер Владимир Мотыль выбрал именно вас?

из цикла «Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять»: «Непременно я зайчю косточку в землю зарю, чтобы выросли зайцы весной, как горох и морковь...» Были встречи, знакомство поддерживалось, а когда я с Юсеей Черепановой придумал дуэты в ТЮЗе, Окуджава пригласил нас домой, чтобы записать все на магнитофон — так ему понравилось. У меня в комнате на стене висит его фотография, получил ее, когда сломал лодыжку, с автографом: «Не ломайте ноги, запасных частей для нас нет». Булат Шалович нас таким образом объединил, что для меня большая честь.

Когда Мотыль меня пригласил в «Звезду пленительного счастья», романс Окуджавы уже был сочинен, композитор Шварц записал фонограмму, под нее спел какой-то академический певец, что режиссера категорически не устроило. Меня вызвали в Ленинград, и, пока я пел, Владимир Яковлевич стоял рядом и все корректировал: он режиссер очень дотошный. Тональность оказалась на порядок выше моего диапазона, так что петь пришлось почти фальцетом. Но ничего, записали.

— Как дальше сложились отношения с кино?

— Фильмов было не так много, роли в основном вторые. Были Очарик в «Конармии», директор школы в «Забавах молодых», таксист Коля в картине «Когда я стану великаном», эпизод в «Соучастниках», где я в первый и последний раз встретился в кино с Филатовым, личный секретарь Троцкого в «Троцком», майор Капуба в фильме «Несут меня кони», в который тот же Мотыль пригласил меня уже не как вокалиста, а как артиста. Еще картины «Процесс» и «Неустанно-

программе в первый раз читал свои стихи, Нина Русланова рассказывала о детдомовском детстве. Сам я в программе был рассказчиком, ведущим, а мои песни, соответственно снятые, звучали как художественный комментарий происходящему. Но после передачи о Лье Дурове программа встала, хотя уже отсняты сюжеты об Аркадии Арканове, Викторе Шендеровиче, Леше Дидурове. И куда все это отдалось, пока не понятно. Сначала было обидно, я даже гневил Бога, сутки ходил, злился, досада страшная! А потом подумал: не надо ругать судьбу, потому что уже два года лежит написанная тобой повесть «Роковая Маруся», которую ты никак не можешь переделать из черновика в чистовик. Я сел и стал писать. Повесть про артистов, использовал свои наблюдения, которые записывал когда-то в разных тетрадках.

— Собственной театральной судьбой довольны?

— Роли — часть твоей жизни и как можно в нее плевать? Как я могу забыть свою первую роль в ТЮЗе — Зурико в спектакле «Я, бабушка, Илико и Илларион»? Или Волка в сказке «Зайка-Зазнайка, три порося и серый волк», благодаря этому волку я научился хулиганить на сцене. Или д'Артаньяна в «Трех мушкетерах» — после этого спектакля я впервые познакомился со славой, так сказать, в масштабе своего района: девочки носили пластиковые карточки с моим изображением, что было забавно и смешно. Правда, и выпивали мы тогда за кулисами порядком, и десять лет этого кромешного праздника бесследно для здоровья не прошли.

Потом Анатолий Васильевич Эфрос позвал меня в Театр на Малой